

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ДИВЕЕВСКИЕ ГОВОРЫ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

RUSSIAN DIVEEVSKY DIALECTS: THE CONTEMPORARY FUNCTIONING

I. Tolkacheva

Summary: The paper continues the cycle of scientific research of phonetic and morphological features of dialect microsystems in the Nizhny Novgorod region. The author tries to specify the contemporary position the diveevsky dialects take up at the map of the Russian language dialect articulation. The source of the analysis has become the recordings of live dialect speech made over the past few decades during folklore and dialectological expeditions of Nizhny Novgorod State University. The role of ethnic, cultural, and religious factors in the formation of the dialect of the Diveevo microsystem is determined.

Keywords: dialect microsystem, unification, phonetic, grammatical, lexical characteristics, language contacts.

Толкачева Ирина Вячеславовна

к.филол.н., доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
irzim@list.ru

Аннотация: Статья продолжает цикл научных исследований фонетико-морфологических особенностей диалектных микросистем на территории Нижегородского региона. Дается детальное описание диалектной микросистемы нижегородских дивеевских говоров на современном этапе, уточняется их положение в рамках диалектного членения русского языка. Источником анализа послужили записи живой диалектной речи, сделанные за последние несколько десятилетий во время фольклорных и диалектологических экспедиций Нижегородского госуниверситета. Определяется роль этнических, культурных, религиозных факторов при формировании диалектной дивеевской микросистемы.

Ключевые слова: диалектная микросистема, унификация, фонетические, грамматические, лексические особенности, языковые контакты.

Русские народные говоры обладают рядом особенностей, отличающих их как от литературного языка в целом, так и друг от друга. Однако уникальность каждой отдельной диалектной микросистемы определяется не только наличием в ней таких черт, которые не отмечаются в соседних или иных языковых системах, но и специфическим сочетанием черт, общих для ряда говоров. Общерусская основа и комбинация языковых диалектных различий создает неповторимый образ каждого отдельного говора русского языка или их небольших объединений. Традиционно диалекты объединяются в группы говоров, наречия, что показывает единство русского диалектного пространства, не умаляя и его частной индивидуальности.

Диалектный языковой ландшафт Нижегородской области не обнаружит никаких особых языковых явлений, которые так или иначе не отмечались бы и в каких-либо других микросистемах, однако уникальное сочетание севернорусских и южнорусских по своей основе фонетических, морфологических, лексических единиц во многом определяет своеобразие и многогранность нижегородских говоров. Большому разнообразию говоров на территории Нижегородской области способствуют и ее современные административные границы: область вытянута с севера на юг, что позволило объединить на одной территории говоры с разными языковыми основами (севернорусскими, среднерусским и южнорусскими). Автором настоящей статьи проводится системная работа по описанию и анализу современных фонетико-морфологических систем русских народных говоров на

территории Нижегородского региона [1, 2]. Данная работа представляет собой результат наблюдений над дивеевскими говорами Нижегородской области, попытку комплексного компактного описания основных диалектных черт этой территории на рубеже XX-XXI вв.

Говоры любой нижегородской территории, несмотря на их языковую близость с соседними говорами, обладают чертами, которые выделяют их из микродиалектного пространства, даже в чем-то противопоставляют близлежащим территориям. Не становятся исключением и дивеевские говоры: наличие тех или иных языковых явлений (при отсутствии уникальных признаков) позволяет примыкать данным говорам к разным диалектным микросистемам при различных ареальных классификациях. Традиционно большая часть нижегородских говоров относится к восточным среднерусским окающим говорам Горьковской подгруппы Владимиро-Поволжской группы (граница проходит южнее Арзамаса), поэтому дивеевские говоры оказываются в пограничном положении, на их территории сходятся *черты восточных среднерусских окающих и восточных среднерусских окающих говоров* [3, с. 154-162], что обуславливает определенный *дуализм диалектных микросистем Дивеевского края*. В классификации нижегородских говоров, выполненной Н.Д. Русиновым [4, с. 121-123], дивеевские говоры включаются в южную диалектную зону Нижегородского Поволжья, а именно – в ее западную часть, которая охватывает говоры в бассейне правых притоков р. Мокши (реки Сарма, Сатис и др.): территория Ардатовского, Арзамасского, Вознесенского, части Выксунского,

Дивеевского, Первомайского и Шатковского районов. Таким образом, территория юга Нижегородской области (говоры Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья [5]) представляет собой довольно пестрый языковой ландшафт, поскольку, являясь территорией довольно поздней, преимущественно помещичьей, колонизации, в силу интенсивных диалектных контактов на современном этапе развития представляет собой совмещение территориально разнородных диалектных черт (окающие и акающие говоры, говоры южного наречия и юго-восточной диалектной зоны).

Рассмотрим подробнее диалектные языковые особенности дивеевских говоров, которые выявляются при анализе живой звучащей речи диалектоносителей, записанной в ходе фольклорных и диалектологических экспедиций Нижегородского госуниверситета за последние несколько десятков лет.

1. Различение в первом предударном слоге после твердых согласных гласных неверхнего подъема О и А (неполное оканье) при возможной редукции в остальных безударных слогах: *Лáска мýцыт jejó, зв'ер'ók; она́ аш мóкра стáн'ет; и дáже праподáт корóва. Мы појд'óm порáн'шы и пáл'цы-т'и обр'эжым, а фс'о ровнó вэжн'им сп'ервá да вдол' з'емл' ⊕; нас потхвáл'ивэжют, нам дадýт пр'ем'ија.*

В редких случаях наблюдаем и сохранение в произношении этимологического О (на месте орфографического А): *роб'áты, росчóсывут* (с. Кудлей), *по мнóгъ л'ет робóт'ли* (д. Осиновка); *росст'эл'иш* (с. Дивеево).

Однако неполное оканье – не преобладающий тип безударного вокализма после твердых согласных, поскольку записи диалектной речи дивеевских жителей разной хронологической отнесенности (1980-90-е гг., начало XXI в.) показывают устойчивое проявление в некоторых диалектных микросистемах и аканья (в том числе и его сосуществование с оканьем в пределах соседних микросистем):

Ој, падрúшка мајá, Так н'и нáда гавор' ⊕т'; Зав'е'д' ⊕ с'е'б'э зал'óтку, И к т'е'б'э бýд'ет хад' ⊕т' (с. Суворово, запись 1993 г.). д'эушки касн' ⊕ж нас' ⊕л'и, эт у мајéј баушк'и был-ш'ш'ь, мы-т'ь уш ньнас' ⊕л'и, я вот уш нър'ажáлас' вд'эцтв'ь (с. Ореховец, 2009 г.). Пр'ихад' ⊕т'е, пажáлуста, К нам на свáд'бу! В'инцá пап' ⊕т', пакушат', Добрых л'уд'эј паслúшат', Н'ев'эстку правад' ⊕т'. А нам, звáццам, жеиц двáцат', А пáроцку аб'азáт'ел'на (с. Кременки, запись 1992 г.). Рáн'шэ п'эфс'имý аврáгу дубэ расл' ⊕, ат н'их и назвáн'ь пашлó; р'уб'áты рáн'шы тудэ хад' ⊕л'инь-дуб'јах катáццэ (с. Смирново, информант 1925 г.р.)

2. В безударном положении после мягких согласных в первом предударном слоге чаще наблюдается различение гласных неверхнего подъема (орфографические

Е и Я): *сп'еицáл'ный, ујежжáла, у м'ен'á, в'ернул'и, с'в'екрóф'; св'атáја, пл'асáла, т'ажóлаја, гл'ад'эн'ь.*

Однако в некоторых записях фиксируются случаи:

- перехода Е в О в безударном положении (заударном): *колдún' ⊕шшо был* (с. Кудлей); *ст'окáт, јомý, в'одрó, шес' м'эс'ацоф* (с. Дивеево)
- произношения А на месте Е в I предударном слоге (элементы якающего произношения): *чавó, н'ичавó, в'ечар' ⊕нка, чатэp'и гóда-т'ь, в'аснóј, дв'анáцат' л'ет;*
- частичного икающего произношения и редукции: *вм'эст'и с н'ей п'ър'ьн'исл' ⊕, в нивó, доч ивó, виршэнь, пэгл'ид'эт', уб'иp'у, с'иб'э, л'игушкy.*

В остальных безударных слогах наравне с различением гласных присутствует их совпадение либо в гласном второй степени редукции [ь], либо в [и] (заударные слоги частотнее): *п'ър'ьв'ез' ⊕, п'ер'ерóим, манáшенска, бал'шэје; пр'ипадóбный, н'емалóд'ин'ка, вáл'енк'и и вáл'ьнк'и, рáзум'ь, на-с'в'эт'е, н'эзам' é тн'ь, ид' ⊕т'ь.*

3. Случаи более широкого использования фрикативного звонкого заднеязычного согласного (и его глухого варианта) при преимущественном произношении взрывного звонкого заднеязычного: *Ну как иурáл'и-т'ь, иурáл'и мы ф-ч'евó; патóм спýс'т'иш ф-пóур'еп; ув' ⊕д'ьт, ньуан'áј дадýт* (п. Сатис).

4. Диреза интервокальных звуков [б], [в], [д]: *баушка, д'эушка, хо ⊕л'и.*

5. Остаточное проявление твердого цоканья (произнесения аффикаты [ц] на месте этимологической [ч]): *эта нон'е картоцками-т'е приглашáют, а ран'ше звáты был'и, ат н'ев'есты и ат жен'иха* (с. Кременки, запись 1992 г., информант 1911 г.р.); *грацы ул'ет'ел'и ф т'оплы краја, и н'ет грацоф!* (с. Ивановское, запись 1992 г., информант 1915 г.р.); *цај цово цугун моцала, нацинају пец снацала* (с. Лихачи, запись 1996 г.; по словам информанта, такое произношение уже не характерно для современных жителей села, но на ее памяти еще были люди старшего возраста, которые так говорили; сейчас же происходит различение [ц] и [ч], цоканье остается только в своеобразных устойчивых сочетания – поговорках, пословицах, т.е. продуцируется не произвольно).

Уход цоканья из повседневной речи подтверждается и записями, например, 2003 г. в с. Дивеево, где у некоторых информантов наблюдается различение в речи [ц] на месте этимологического Ц и [ц'] на месте ч: *на п'еи'е, в'еи'ерэм, в'еи'ьр, п'еи'кь, но гост'ин'еи.* Кроме того, у этих же информантов фиксируется и произношение [ч']: *дефч'онк'ь.*

6. Нерегулярное произношение твердой аффрика-

ты [ч]: *утром как умоец'с'и отс'ел' и скроч на живот и на пл'еча; ф п'ел'оночк'и зав'ортыват и хр'осн'е оддајут* (с. Кременки); *р'еб'ат'ишк'и плачут* (с. Глухово); *н'е ф къл'идор'е, а ф чуланчык'е, фс'а чорнџа, јејо отчышшала* (п. Сатис).

Подобное наблюдаем и в соседнем Вознесенском районе, о чем свидетельствуют, например, записи диалектной речи из с. Аламасово (2003 г.): *учыт'ил'ей н'ету, ход'ит' нам н'е в чым, н'икак'их бот'инџк'чч у нас н'е была, н'ичаво н'и од'ет' н'е была.*

Близость во многих диалектных чертах дивеевских и вознесенских говоров объясняется еще и особенностями заселения дивеевских территорий. Так, известно, что некоторые села (прежде всего, образованные в начале 20-х гг. XX в.) возникали именно благодаря переселенцам из Вознесенского района. К таковым можно отнести д. Орешки (из сел Аламасово и Нарышкино), п. Цыгановка (из с. Нарышкина) и др. [6, с. 379, с. 447].

7. Достаточно последовательное произношение долгих твердых шипящих: *колдун'ишшо, отчышшала, жар'ишша, шшыталас'.*

8. Полная ассимиляция звуков на стыке окончания и постфикса в формах 2 л. ед.ч. возвратных глаголов: *умоец'с'и, станов'исс'а.*

9. Частотная ассимиляция по мягкости в группах согласных, как правило, в сочетании «язычный+губной (губно-зубной)»: *с'м'ерти, т'в'ордай, по д'в'е, с'в'оклы, кор'м'ил, ус'н'ела, с'в'екроф'; к'ир'п'ич'оф, нас'в'ет'е, д'в'ер'; «язычный+язычный» – пр'ив'ез'л'и с'једим, з'д'ес'.*

10. Упрощение групп согласных (как правило, -ст): *шерс', јес', пам'ес'је, шес' м'ес'ацоф.*

11. Нередуцированный начальный гласный О не в первом предударном слоге в некоторых случаях усиливает свою лабиализацию до У (уканье – черта говоров Владимиро-Поволжской группы), однако это довольно нерегулярная особенность, встречающаяся в речи отдельных информантов: *отпуст'ил'и на кан'икулы уддыхат'; с п'ерв'во класа на угорот, угурцы, куда-то утв'езут* (д. Малое Череватово); *утгавор'ил* (с. Дивеево).

Морфологические особенности имени существительного:

12. Возможность употребления вещественных существительных в форме множественного числа: *а ран'ше ф колхозах угорот у нас такој был бол'шој: капустаы, с'в'оклы, угурцы, својо хот' н'и сажај.*

13. Распространение флексии –у в именах существительных в форме Р.п. ед.ч.: *а што п'еску, изо рту.*

14. Широкое распространение флексии –ы в форме

И.п. мн.ч. имен существительных: *полотны, р'еб'аты, јајцы, д'ефчаты, п'ис'мы.*

15. Распространение флексии –ов/-ев в формах имен существительных Род.п. мн.ч.: *к'рп'ич'оф, баушкоф.*

16. Безударное окончание –и в формах Род.п. ед.ч. существительных женского рода I склонения: *у н'ев'ест'и-м'и.*

Морфологические особенности имени прилагательного:

17. Распространение окончания ОЙ (в условиях аканья или неполного оканья – АЙ) в форме И.п. ед.ч. м.р. имен прилагательных: *мал'ен'кај, с'ернџј, пригул'ној.*

18. Имена прилагательные (а также причастия и местоимения) в И.п.-В.п. мн.ч., а также в женском роде могут иметь как полные, так и стяженные формы (без интервокального Й): *јупка ч'орна и бардовы л'енты, платк'и нар'адны, шолк'ывы, узорчаты; б'иту шерс'т', манашенска; но п'ерваја д'ер'евн'а, в другују д'ер'евну, столы так'ијь бол'шыјь, т'ажолаја, чорнџа.*

Морфологические особенности глагола:

19. В глагольных формах 3 л. Ед. и мн.числа настоящего и будущего простого времени окончания с твердым [т]: *падједут, ув'езут, буд'ят гар'ет', атмывам, кор'м'ит.*

20. Совпадение окончаний в формах 3 л. нн.числа настоящего и будущего простого времени глаголов I и II спряжений (по типу I спряжения): *угон'ут, отпус'м'ут, провал'ут, нар'ад'уца.*

21. Широкое распространение стяженных форм глаголов в настоящем и будущем простом времени, кроме форм 2-3 л.мн.ч.: *каташ, д'елаш, свал'Ат, уджыматца, ст'окам, гул'ат, пров'ер'ат; но патстр'угајут, справл'ајут, накуп'ајут, вымојут, ругајут, см'ејуца, абзывајуца.*

Такая парадигма спряжения глаголов, которые в основе имеют –j-, характерна в большей степени для восточной части среднерусских говоров (как окающих, так и акающих).

22. Выравнивание основ глаголов с сохранением заднеязычного согласного во всех формах (причем заднеязычный может быть и твердым, и мягким): *баушка исп'ек'ом хл'еп; там вада т'ек'ом; тока вот чаво п'е кош в газавай пл'ит'е-та, бл'ин'ч'ак'и п'еком.*

23. Наличие местоимения *оне.*

24. Продуктивность постпозитивность частицы –то и её функционирование в вариантах –**ти**, –**от**, –**ту**: *ц'ерквут'и, у д'ад'ин'к'и-м'и, з брату-тџ, гас'т'ин'ьц-тџ, игрыт'и, рассказат'-ту, на ф'ерму-ту.*

Языковой ландшафт дивеевских говоров, таким образом, включает их в довольно широкий круг говоров

переходных, характеризующихся смешением диалектных черт разной языковой основы (севернорусской и южнорусской), сближает с говорами соседних Вознесенского, Ардатовского, Первомайского районов и другими говорами юга Нижегородской области. Дивеевским территориям, можно сказать, присуща некоторая двойственность. В языке она проявляется, прежде всего, в соседстве окающих и акающих систем безударного вокализма, их взаимопроникновении и трансформации. Безусловным объяснением такого сосуществования является история заселения дивеевской земли, которая в значительной своей части была помещичьей, следовательно, сюда свозились крестьяне из разных губерний, т.е. с разными диалектными языками-основами (например, население с. Смирново было привезено в XVI в. из-под Рязани для охраны восточных рубежей; однако местные предания свидетельствуют, что потом эта деревня увеличилась за счет каких-то иных крестьян; первопоселенцы с. Елизарьево были выходцами из-под Москвы).

Двойственность обнаруживается и в топонимическом фонде дивеевских территорий. Освоение славянским населением земель, исконно заселенных фин-

но-уграми, а именно мордвой, протекало длительное время, соседство долго оставалось соседством, процесс обрусения мордвы активно происходил только в последние пару столетий. Отсюда у некоторых населенных пунктов, которые имеют сейчас русские по происхождению официальные названия, существуют и параллельные мордовские названия, которые показывают, какое население было здесь до русских, что было важно при номинации места жительства. Так, например, с. Онучино называлось также Ембулатово, или Чембулатово (патроним); д. Владимировка и д. Спасовка также по реке, на которой они стоят, называются Мокшанка (этимология затемнена, но некоторые исследователи видят финно-угорские корни) [6, с. 378, с. 281, с. 422] и т.д.

Таким образом, этнолингвистическая специфика юга Нижегородской области (в том числе и дивеевских земель) характеризуется столкновением, смешением разнородных элементов как в области языка, так и в этнокультурном плане. Это определяет возможности разновекторного развития края, тем не менее, опирающегося на культурные, духовные, этические взгляды народа, выраженные, прежде всего, в языке и фольклоре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толкачева И.В. Русские народные сосновские говоры: особенности функционирования на современном этапе // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. №6. Часть 2. Н. Новгород, 2013. С. 241-245.
2. Толкачева И.В. Особенности развития современных диалектных микросистем (на материале русских народных ковернинских говоров Нижегородской области) // Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона: Мат-лы межрегион. конф. по проблемам функционирования русского языка как госуд. языка РФ 22-24 мая 2013. Москва-Саранск, 2013. С. 167-171.
3. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М.: Наука, 1970. 168 с.
4. Русинов Н.Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1994. 202 с.
5. «Речи родимой бескрайняя даль...». Говоры Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья: хрестоматия / Сост.: Л.А. Климкова, Е.Ю. Любова, Л.Г. Мочалова, О.В. Никифорова, Г.Н. Тюрина; науч.ред. Л.А. Климкова. Арзамас: АГПИ, 2009. 265 с.
6. Морохин Н.В., Арзамазов А.А. Наши реки, города и села. 2-е изд., испр. и доп. Нижний Новгород: издательство «Книги», 2014. 480 с.

© Толкачева Ирина Вячеславовна (irzim@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»